

ЭКС- ЛЮБОВНИКИ

АЛАЙНА САЛАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С16

Салах, Алайна.

С16   **Экс-любовники / Алайна Салах.** — Москва:
Издательство АСТ, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-17-161896-4

— Всем добрый день. Меня зовут Исаков Карим Талгатович. Я новый владелец «Родена».

Новый начальник еще продолжает шевелить губами, но вокруг меня словно образовался вакуум. Спустя два месяца работы управляющей в этом ресторане я и представить не могла, что моим начальником станет бывший...

Два года назад нам суждено было расстаться. Ведь я взбалмошная русская без царя в голове, а он весь из себя правильный татарин из уважаемой семьи. Во что выльется эта встреча? Смогу ли я смириться с крутым нравом Карима и быть примерной сотрудницей в подчинении? И сумею ли выстоять, если забытые чувства вдруг вновь дадут о себе знать?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161896-4   © ООО «Издательство АСТ», 2024

— А подождать это не могло? — ною я, быстро переставляя каблуки в попытке успеть за Полиной. — За седьмым столом опять кретин на «Порше» возмущается, что ему стейк переперчили, а ещё мне нужно рубашку застирать...

Поля резко останавливается, так что я едва не врезаюсь ей в спину и, пробежавшись взглядом по коричневому пятну, формой напоминающему кляксу на черепахе Президента СССР, по-хозяйски берётся за мой бейджик.

— Времени переодеваться нет, — поясняет она, отстёгивая его. — Глеб Андреич сказал свистать всех наверх как можно быстрее. Слухи, что нас продали, оказались не слухами. Сейчас будем по команде подавать лапу новому владельцу.

Справа под рёбрами неприятно сжимается. Наш «Роден» продали? Ну вот чего я несчастливая такая? Работал ресторан успешно целых восемь лет, но стоило мне устроиться на должность управляющей, как его сразу продают.

— Я не хочу по команде подавать лапу, — говорю я, следя, как Полина перемещает бейджик аккуратно на кофейную кляксу.

— А придётся первое время. Новое руководство всегда поначалу пытается в дела лезть. Ну всё, теперь порядок. Идём.

И мы, как две голодные гончие, вновь прибавляем скорость. Но даже стук каблуков — моих скромных четырёхсантиметровых и Полининых стриптизёрских — не способен заглушить гул не-весёлых мыслей. Я не хочу терять эту работу. В «Родене» мне всё нравится: месторасположение, коллектив, обстановка и, конечно, моя руководящая должность... С некоторыми клиентами я успела подружиться, и зарплата меня устраивает. И с Ворониным, генеральным, мы сразу нашли общий язык.

Тяжесть в правом боку усиливается, и мне приходится его потерять. Вот ведь разнервничалась. Ну или новый десерт, разработанный шеф-кондитером, действительно слишком жирный.

За длинным прямоугольным столом уже собрался основной персонал: бухгалтер, шеф-повар и шеф-кондитер, бар-менеджер и администратор сегодняшней смены Виктор. Сам Воронин, как и обычно, сидит во главе своих подданных с одновременно грустным и торжественным видом. С таким же лицом папа выдавал мою старшую сестру замуж. Эх, нас точно продают.

— Присаживайтесь, девочки, — покровительственным тоном распоряжается он, указывая на два свободных кресла.

Мы с Полиной рассаживаемся, незаметно переглядываемся с остальными, мол, чего-нибудь важное не пропустили? Но пропустили или нет, по их каменным лицам так сразу и не поймёшь.

— Итак, — продолжает Глеб Андреевич. — Многие уже знают, для чего я вас сегодня собрал, а кто не знает, тот сейчас узнает.

Воронина я люблю, но вот речи — это всё-таки не его.

— Своим ресторанам я посвятил много лет. В девяносто шестом открыл первое кафе, за ним, в две тысячи первом, появился «Глагол», затем «Людо» и в две тысячи двенадцатом «Роден». Пережито много взлётов и падений, я не молодею, поэтому пора на покой. В прошлом месяце Карим Талгатович предложил купить мои рестораны, и я согласился.

С последней его фразой пальцы машинально вцепляются в подлокотники кресла в отчаянном желании вспороть натянутую на них кожу. Я не ослышалась? Воронин сказал: «Карим Талгатович»?

И прежде чем забурливший кисель в моей голове начинает переливаться через край, в правом углу, рядом со стеллажом, улавливается движение. Я ошарашенно озираюсь по сторонам. В смысле все были в курсе, что в кабинете всё это время был кто-то ещё?

Фигура в тёмном разворачивается, переставая быть настолько тёмной. Белое пятно рубашки на мгновение ослепляет меня, не сразу давая разглядеть лицо. Что, впрочем, и не нужно, потому что до боли знакомый голос уже ввинчивается в барабанные перепонки, заставляя сердце бухтеть как китайский напольный вентилятор.

— Всем добрый день. Меня зовут Исхаков Карим Талгатович. Я новый владелец «Родена».

Новый владелец «Родена» продолжает шевелить ртом, но всё, о чём я могу думать, это: «Твою же ж... Да твою же ж... Ну за что, а?»

2

Карим подходит к столу и занимает последнее пустующее кресло. Я опускаю взгляд себе на ладони. Для чего вообще потребовалось это эффектное представление? Неужели нельзя было сразу сесть, а не провоцировать у отдельных людей инфаркт миокарда.

— Глеб Андреевич собрал вас здесь по моей просьбе. Мне бы хотелось лично познакомиться с каждым из вас.

Полюбовавшись на свой выдающийся холм Венеры, я начинаю разглядывать линию жизни. А вот эта кривая неказистая полоска, кстати, наверняка линия любви. Вон какая вмятина посередине. Будто на ней потоптался какой-то ярый козлина.

В лоб словно забуривается толстенное сверло — верный признак того, что Исхаков Карим Талгатович меня заметил. Притворяться, что происходящее меня не касается, становится невозможным, и тогда я со вздохом поднимаю глаза. Встретив прямой тёмный взгляд, с вызовом задираю подбородок и поджимаю губы. Да, вот такой сюрприз. Мы снова встретились, но ты, надеюсь, не думаешь, что я рада.

Если бы Карим мог раздражать меня ещё больше, то сейчас это бы точно случилось. Как можно быть таким... вылизанным? Модно постриженные волосы блестят, как в рекламе шампуня, кожа заго-

релая, на рубашке нет ни единой складочки, а под рукавами пиджака проступают мышцы. И даже эта его щетина... Он как будто с ней родился.

И где только были мои глаза? Я не шучу. Мужчина не должен быть таким ухоженным и привлекательным, а иначе что остаётся нам, женщинам?

На пару секунд задержавшись на мне взглядом и никак не выдав того, что мы знакомы, Исаков смотрит на генерального.

— Представьте своих сотрудников, Глеб Андреевич?

Я скрещиваю под столом ноги. Лапу давать не просит, просто хочет заглянуть в зубы.

— Про нашего шеф-повара вы наверняка слышали, — с готовностью отвечает Воронин, указывая на Марата. — Учился в Марселе. Работал в «Серрано» и последние четыре года у меня.

Карим кивает, смотрит заинтересованно.

— А родился ты где, Марат?

— Альметьевск, Татарстан.

— Татарин, значит, — отмечает с удовлетворением.

Ну что ж, за карьеру шефа можно только порадоваться. Сам Карим родом из Казани, а они своих жалуют. А если Марат ещё и шурпу готовить умеет, то вообще.

— А это Надежда Вячеславовна, наш бухгалтер, — продолжает знакомить генеральный. — Очень надёжный и честный специалист. Мы вместе много лет, и за это время никаких нареканий не было.

Надежда Вячеславовна густо краснеет. Я переглядываюсь с Полиной и замечаю в её глазах неподдельный животный восторг.

— Вот это охренеть, — беззвучно шевелит она губами, мечая взгляд в Карима.

В ответ я так же беззвучно фыркаю и тут же вытягиваюсь струной, потому что слышу своё имя.

— А это Василина, управляющая. С нами работает всего два месяца, но успела зарекомендовать себя как ответственный сотрудник. Дисциплина и чистота с ней вышли на новый уровень.

Занервничав от устремлённых на меня взглядов, я начинаю теревить бейджик и, как выясняется, совершенно зря. Потому что в следующую секунду он шмякается на стол и взгляд Карима плавно оседает на кляксе имени первого Президента СССР.

Вот же ж... Ну за что, а-а-а?

Его тёмная бровь скептически ползёт вверх, а в глазах проступает раздражение. Мне сквозь землю хочется провалиться. И вот снова. Карим весь из себя такой правильный и совершенный, а я... нелепая и неуклюжая. Однажды я испачкала его мороженым, так он даже до дома терпеть не смог — потащил в бутик за новой рубашкой.

Из кабинета Воронина я вылетаю первая. И дело вовсе не в Кариме. У меня народу полный зал, а ещё идиот на «Порше» и его дефектные вкусовые рецепторы наверняка довели официантов до трясушки.

— Слушай, а идея с продажей «Родена» больше не представляется мне такой уж плохой, — догоняет меня звенящий восторгом голос Полины. — Если наш новый владелец выглядит так. Я как увидела, чуть под стол не сползла, ей-богу. Ты куда так несёшься, Вась? Ты его разглядела?

— Его я разглядела даже в самых непредсказуемых ракурсах, — буркаю я, продолжая проклядывать путь в зал. — Мы встречались.

— Ты серьёзно, что ли? — Полина так резко сдавливает мой локоть, что каблук со скрежетом зарываются в пол, и мне приходится остановиться.

— Да, серьёзно. Два года назад.

— А почему... ну, того? Расстались в смысле.

— Потому что я Макеева Василина Александровна, а он Исхаков Карим Талгатович! — неожиданно для себя рывкаю я. — Я взбалмошная русская без царя в голове, а он весь из себя правильный татарин из уважаемой семьи. Ну и много чего ещё.

3

— Мне очень жаль, что стейк показался вам не таким, как прошлый раз. Если у вас есть время, то мы с радостью приготовим другой. Вы наш постоянный клиент, и мы очень дорожим тем, что вы выбираете именно наше заведение.

Сиропом, льющимся из моего рта, можно засахарить трёхлитровую банку варенья. Была бы моя воля, я бы этого вечно недовольного мужика никогда больше не пустила на порог «Родена». Ему всё не нравится: то люди за соседним столом слишком громко разговаривают, и нужно заставить их замолчать, то блюдо принесли недостаточно быстро. Или вот как сейчас — мясо переперчённое. Назревает закономерный вопрос: для чего он к нам каждый день таскается как на работу? В столице есть куча других заведений.

— У меня нет времени, — бурчит «Порше», в доказательство начиная нетерпеливо барабанивать по столу наманикюренными пальцами.

На прошлой неделе он так выклячил себе бесплатный ужин. Неужели и сейчас рассчитывает, что очередная халява отвалится? Думает, что тут собрались блаженные идиоты?

— Тогда попрошу официанта унести тарелку. — Я улыбаюсь так широко, как позволяет мне мой немаленький, к слову, рот. — Стейк мы, конечно, уберём из счёта. Очень жаль, что у вас нет времени дожидаться нового.

Судя по недовольному взгляду, «Порше» рассчитывал на более длительные пресмыкательства и такая скорая развязка его разочаровала. Он поджимает губы, сводит к переносице брови, на что я ментально включаю дуру. В этом мне нет равных, что порой наводит на определённые мысли.

— Хорошего вам дня, и от лица нашего заведения ещё раз приношу свои извинения. Спасибо за терпение и лояльность.

Ухожу я походкой, преисполненной достоинства и, только когда дверь на кухню захлопывается, выпускаю из лёгких длинный выдох. Мне тяжело даются компромиссы, как и слепое следование золотому правилу ресторанного бизнеса «Клиент всегда прав». Как это прав, когда он не прав?

— Лен, забери у седьмого стола стейк.

На испуганный взгляд официантки поясняю:

— Менять ничего не нужно. Просто вычеркни его из счёта.

Официантка уходит, а я, немного отдышавшись, перемещаюсь в туалетную комнату, чтобы наконец застирать это чёртово кофейное пятно. Почему об-

литься нужно было именно сегодня, когда сюда приехал Карим? Хотя, если уж быть честной, мне положено иметь запасную рубашку, но запасная лежит дома с почти идентичной кляксой от томатной пасты. Ну не успела я её постирать. Вернее, забыла.

От сушки феном начинают гореть руки, поэтому я решаю, что быстрее рубашка высохнет на мне. Тщательно разгладив её, выхожу за дверь и тут же нос к носу сталкиваюсь с Каримом.

— Здравствуй, Вася, — невозмутимо здоровается он, будто совсем недавно мы не виделись в кабинете Воронина и как будто не расставались на два с лишним года. — Я тебя искал.

И до того как я успеваю сформулировать вразумительную мысль, его ладонь преспокойно обхватывает мой локоть и тянет в боковой «карман» рядом с подсобкой.

Я злюсь. В этом весь Карим. Настолько самоуверен, что может запросто таскать меня за собой, как куклу, будто имеет на это право. Вот эти его покровительственные жесты... Словно то, что мы когда-то спали, до конца дней наделило его правом до меня дотрагиваться.

Именно в тот момент, когда я готова начать праведно возмущаться, он отпускает меня сам.

— Для чего вы меня искали, Карим Талгатович? — уточняю с приторной вежливостью, чтобы наверняка его взбесить, и, отступив, тру руку о поясницу, чтобы стряхнуть покалывания от прикосновения.

— Не паясничай, Вася.

Моё сокращённое имя, произнесённое его голосом, — от природы низким и с едва заметным акцентом — заставляет кровь мгновенно прилить

к лицу. На это он тоже не имеет права, как и на то, чтобы трогать мой локоть.

— Василина, — чеканю я, для убедительности тыча пальцем в бейджик.

Взгляд Карима быстро мажет мою рубашку в том месте, куда я указала, и перемещается влево, на застиранное пятно. Я мысленно скриплю зубами. Ох уж эта моя тяга к спецэффектам. Лучше бы обошлась без демонстрации.

— Я не знал, что тебя здесь увижу. Получилось неожиданно.

— Это действительно странно с учётом того, что ты решил купить этот ресторан, а я работаю здесь лишь с одним выходным в неделю. Не похоже, что ты фанат местной кухни.

Его глаза неспешно блуждают по моему лицу, будто мы заново знакомимся.

— Раньше я часто здесь бывал, но ты, видимо, не работала.

— Видимо, — язвительно поддакиваю я.

Мне неуютно стоять с ним наедине в квадрате метр на метр. Если уж на то пошло, я вообще не планировала больше с ним разговаривать, а тем более нюхать его новую туалетную воду.

— Я искал тебя, чтобы поздороваться. И заодно сказать, что наше прошлое никак не должно влиять на дела. Через три дня состоится общее собрание с персоналом по поводу дальнейшей работы. К этому времени ты должна определиться, сможешь работать со мной или нет.

— А если скажу, что не смогу, ты ведь никуда не исчезнешь, да? — ласково переспрашиваю я.

Карим выразительно вздыхает и, усмехнувшись, качает головой.

— Хватит кусаться, Вася. Документы о продаже подписаны, и со вчерашнего дня ты работаешь на меня. У тебя три дня, чтобы подумать, сможешь ты блюсти субординацию или нет.

— Я подумую. Это всё?

Карим смотрит на меня молча. Его взгляд быстро пробегается по моим укоротившимся за последние два года волосам, касается плеч и возвращается к глазам.

— Дела у тебя как, скажи?

Где-то в солнечном сплетении противно сжимается от того, каким тоном он это произнёс. Потеплевшим и небезразличным. Как будто... В общем, бесит.

— У меня всё прекрасно! — беззаботно восклицаю я. — Всё просто супер.

— Рад за тебя. Мила, слышал, замуж вышла.

— Откуда ты это слышал?

— Эльсина сказала. Они случайно на улице встретились.

Упоминание об Эльсине откликается во мне щемящей тоской. Она младшая сестра Карима, и раньше мы с ней дружили.

— Как у неё дела? — тихо спрашиваю я, опуская глаза. — У Эльсины.

— Что ей сделается? Про то, что она салон оптики открыла, наверное, знаешь.

— Нет, не знаю. Здорово. А Радик как?

— У него тоже всё хорошо.

В этот момент воздух, начинающий густеть от воспоминаний, разрезает мелодия его телефона. Она такая же, как и два года назад, — скучная и стандартная. Сколько раз я ни пыталась помянуть, Карим ставил её обратно.

Посмотрев на экран, он возвращает взгляд ко мне и мягко сжимает плечо.

— Рад был увидаться, Вася. Мне пора ехать. До встречи на собрании.

Приложив телефон к уху, он идёт к выходу, а я, застыв, провожаю взглядом его спину. А может, к чёрту этот «Роден»? Ресторанов в столице много, можно попытаться счастья где угодно. В увольнении есть куча плюсов. На новом месте не будет придурка «Порше» и необходимости встречаться с Каримом.

14

4

После работы Полина как бы невзначай предлагает заглянуть в винотеку по соседству и угостить меня бокалом хорошего шардоне. Маркетолог от бога, что с неё взять. Ей, конечно, не терпится вытрясти подробности моих отношений с новым владельцем. Я соглашаюсь по двум причинам. Во-первых, потому что дома меня ждут грязные полы и куча стирки, которую жутко хочется отсрочить, а во-вторых, я и сама, кажется, хочу выговориться.

Остаток смены прошёл как в тумане, потому что я изо всех сил пыталась ужиться с мыслью о работе с Каримом и наших будущих встречах. Что он сможет запросто вызвать меня в экс-кабинет Воронина и распекать как шкодливую малолетку. Тяжело работать на бывшего, особенно если этот бывший педантичен, как Карим. Иными словами, дерьмо, а не перспектива.

— Нам два бокала белого сухого и оливки, — говорит Полина, после того как мы занимаем наш

привычный столик у окна. И не дожидаясь, пока исчезнет официант, требовательно командует: — Ну, рассказывай.

— О чём рассказывать? — невинно переспрашиваю я, имитируя своё любимое состояние. — А-а-а, про придурка на «Порше»? Вычла стейк из счёта, и он уехал.

Да, я хотела выговориться, но не так же запросто. Мне нужно, чтобы Полина меня немного поговаривала.

— Вася, блин! — нетерпеливо рыкает она. — Не томи. Рассказывай, как ты познакомилась с нашим новым знойным шефом, как долго вы встречались и большой ли у него?

Вот что у Поли за привычка — задавать настолько бестактные вопросы? У меня имеется дурацкое свойство визуализировать слова собеседника, и сейчас перед глазами как по команде маячит 3d-картинка прибора Карима.

— Я училась с его сестрёнкой в школе и в университете, часто бывала у них дома, — отвечаю я, решив удержать анатомические подробности о новом владельце «Родена» при себе. — А ещё на первом курсе успела месяц повстречаться с его младшим братом.

— Ого! Да ты роковуха, Васёк. Обоих братьев захомутала.

— Ага, — кисло соглашаюсь я. — Но лучше бы тех четырёх недель невинных обнимашек и автомобильных покатушек не было, потому что в глазах родителей Карима отношения с обоими братьями — это конкретный харам.

— Харам? — Полина вопросительно поднимает брови, забирая у официантки бокал вина.

